

6+

Сказочная Мудрость
Дракон Сиринокс

Наталья Мусинова

Наталья Мусинова

**Сказочная мудрость.
Дракон Сириноп**

«Издательские решения»

Мусинова Н.

Сказочная мудрость. Дракон Сиринок / Н. Мусинова —
«Издательские решения»,

История Сиринора начинается в грозовую ночь, когда под корнями старой липы появляется таинственное яйцо. Из него рождается маленький дракон, которому только предстоит узнать, что за огромный и удивительный мир его окружает. Рядом с ним Мила, девочка, первой увидевшая его в ночь рождения. Вместе им предстоит расти, дружить, удивляться и искать ответы на вопросы, которые порой скрываются глубже древних лесов и выше самых далеких звезд.

© Мусинова Н.

© Издательские решения

Содержание

История первая.	6
Загадка	12
История вторая.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сказочная мудрость Дракон Сиринок

Наталья Мусинова

© Наталья Мусинова, 2026

ISBN 978-5-0071-4088-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В обычной долине Междулесье, где люди и драконы живут по соседству, однажды появляется маленький дракон Сиринок. Он не рожден героем, не умеет сразу летать и не знает всех ответов. Зато он умеет слушать, замечать чужую боль и не прятаться от своих ошибок.

Истории, которые вы прочтете, не про подвиги и великие победы. Они про тихие, но важные шаги как подружиться с тем, кто боится; как признаться в ошибке и не спрятаться от стыда; как попросить о помощи, когда страшно.

Каждая история — это небольшое приключение Сиринока и его друзей. Вместе они учатся дружить, доверять, быть честными и заботливыми. Иногда они ошибаются, иногда спорят, но всегда стараются понять друг друга и стать чуть лучше.

Пусть эта книга станет тихим светом, как фонарик в темной комнате или как маленькая золотая искорка на хвосте дракончика Сиринока. Она не заменит разговора с близкими, но может помочь его начать.

Добро пожаловать в Междулесье.

*Здесь всегда есть место новому другу, новой истории
и новому шансу.*

История первая. Загадочное яйцо под старой липой

В долине между Синими холмами и рекой Светлицей расположилась деревня Междулесье. Она была необыкновенной, хотя сами жители давно перестали этому удивляться. По утрам пекари выставляли на подоконники горячие булочки, маленькие драконы, пролетающие над крышами, вдыхали их запах так глубоко, что от удовольствия выпускали из ноздрей тоненькие колечки дыма. По вечерам драконы помогали пастухам искать заблудившихся коз, потому что с высоты хорошо видно, где трава примята копытцами. А люди оставляли на каменных выступах у старого холма миски с ягодами, медом и ореховыми лепешками для тех крылатых соседей, которые не любили охоту и предпочитали сладкое. Драконы жили в пещерах над долиной, а люди в домах с зелеными ставнями и порой они не всегда понимали друг друга. Люди говорили слишком быстро, а драконы иногда отвечали дымом, когда волновались, но все знали, если случится беда, то драконы не отвернутся.

В Междулесье жила девочка Мила. Ей было восемь лет, она умела замечать то, мимо чего взрослые часто проходили. Мила замечала, когда на окне пекарни появлялась первая снежинка, замечала, когда соседский кот Барсик грустил, потому что у него в лапе застревал репейник, замечала, если в мамином голосе после долгого дня пряталась усталость. А еще Мила любила старую липу на краю деревни. Липа была такой большой, что ее ветви казались зеленым облаком, которое однажды опустилось на землю и пустило корни. В дупле жили сонные пчелы, под корнями прятались ежи, а на самой нижней ветке всегда сидела сорока по имени Тарахта. Сорока знала множество новостей, но из-за того, что она тарыхтела без умолка, редко могла рассказать их по порядку.

— Вчера! Или позавчера! Или завтра! — тараторила она.

— У реки рыба прыгнула, у мельника шляпа улетела, а на холме... ох, на холме что-то блестело!

В тот день над Междулесьем собиралась первая осенняя гроза, небо стало фиолетовым, ветер взьерошил траву, а листья липы тревожно зашептались, словно перебирали старые тайны. Возвращаясь домой с корзинкой яблок, Мила увидела, как сверкнула молния над холмами, услышала далекий рокот грома и решила срезать путь через старую липу. Листья тревожно шептались в вышине. Иногда в их шелесте Миле чудились слова, но стоило ей прислушаться и они снова превращались в обычный шум ветра. Девочка замерла. Подойдя к дереву, Мила вдруг заметила между корнями странный свет. Он не был похож ни на огонь, ни на отблеск молнии. Голубовато-серебряное сияние пробивалось из самой глубины земли, словно там, под корнями, медленно просыпалась звезда. Мила опустилась на колени и в тот же миг все листья на старой липе замерли. Ветер стих. Гром умолк. Даже дождь, первые капли которого уже начали падать с потемневшего неба, будто не решался коснуться земли. Ей было безумно интересно, что за тайна скрывалась под старыми листьями и Мила протянула руку к свету. Земля под ее пальцами едва заметно дрогнула.

— Ой... это что! — прошептала она. — Что же такое огромное, от волнения Мила забыла слова и лепетала, что ей приходило в голову. И тут она остановилась на минуточку, собралась с мыслями и потянула еще раз руки к свету. К ее удивлению под листьями находилось яйцо, но оно было огромного размера, величиной с тыкву и светилось изнутри мягким сине-золотым светом. Скорлупа казалась не гладкой, как у птичьих яиц, а словно покрытой крошечными чешуйками. По ней проступали тонкие узоры словно звезды, круги, веточки и странные знаки, похожие на маленькие расправленные крылья.

Мила долго смотрела на них, пытаясь понять, что они означают. Ей вдруг показалось, что узоры едва заметно движутся.
Она моргнула. Нет. Скорлупа была неподвижна.

— Наверное, мне показалось...

И тут яйцо дрогнуло. Раз. Потом еще раз.

Мила присела рядом и осторожно положила ладонь на скорлупу. Она ожидала, что яйцо окажется холодным, ветер уже пробирался под куртку, а первые капли дождя холодили лицо.

Но скорлупа была теплой.

Нет... не просто теплой.

Тепло медленно перетекало в ладонь, будто внутри яйца кто-то хранил маленькое солнце.

— Ты живое? — тихо спросила Мила.

Некоторое время ничего не происходило.

А потом из глубины яйца донесся слабый, глухой звук:

— Тук.

Мила замерла.

— Наверное... живое, — прошептала она.

Старая липа зашелестела ветвями и в тот же миг один из древних знаков на яйце вспыхнул золотом.

Мила задержала дыхание.

Но вспышка тут же исчезла.

— Не бойся, — сказала она, сама не понимая, кому именно это говорит, яйцу, себе или надвигающейся грозе. — Я побуду рядом.

Небо над Междулесьем раскололось молнией.

Гроза разразилась внезапно. Крупные капли застучали по листьям, земле и яблокам в корзинке. Мила сняла с плеч шерстяной платок, который мама велела взять на случай холода, и осторожно накрыла им яйцо.

И произошло странное. Платок сразу засветился изнутри, сначала едва заметно, потом все ярче, словно под его складками разгорелся крошечный закат. Мила медленно убрала руку и на мгновение Миле показалось, что из-под платка донесся еще один звук.

Тук.

Но на этот раз он был не похож на удар сердца.

Он был похож на ответ.

— Ой, — тихо сказала Мила.

Тарахта слетела с ветки, приземлилась рядом и наклонила голову.

— Яйцо! Яйцо! Не куриное! Не гусиное! И точно не пирожковое! — объявила она.

— Тише, пожалуйста, — попросила Мила. — Ему, кажется, страшно.

Сорока помолчала. Это давалось ей нелегко.

— Мне тоже, — призналась она наконец. — Яйца — дело серьезное. Вдруг оттуда выйдет дракон величиной с колокольню?

Мила посмотрела на яйцо. Оно снова тихо стукнуло.

— Вряд ли, — сказала она. — Скорее всего, он совсем маленький.

— Он? — удивилась Тарахта.

— Или она. Пока не знаю.

Дождь лил почти до вечера, но Мила не уходила. Она рассказывала яйцу о Междулесье, о реке Светлице, которая блестит по утрам, булочках с корицей у пекаря Степана, драконах с Синих холмов, о том, что люди здесь иногда ошибаются, но стараются исправляться. Потом она рассказала о себе, что ей порой страшно отвечать у доски в школе, как она мечтает однажды научиться ездить верхом на доброй пони Ласточке и наконец о том, что все новое сначала кажется огромным, но потом становится понятнее.

Яйцо светилось все ярче.

Когда гроза ушла за холмы, Междулесье наконец затихло. С тяжелых ветвей еще падали редкие капли, а над старой липой показалась первая звезда. Она была необычно яркой.

Мила подняла голову и вдруг заметила, что сине-золотое свечение под платком стало слабее. Будто весь свет яйца собрался в одной-единственной точке.

И тогда раздалось:

— Хр-р-уп...

Скорлупа тихо треснула.

Мила замерла.

Трещинка побежала по яйцу, точно тонкая молния, и остановилась прямо на золотом узоре. Знаки на скорлупе один за другим вспыхнули мягким светом, словно кто-то зажигал древние звезды, одну за другой. Яйцо дрогнуло. Еще раз. И скорлупа разошлась. Сначала наружу показался маленький темно-серебристый нос. За ним два круглых глаза цвета вечернего неба. Они медленно открылись и удивленно посмотрели на Милу. Потом из скорлупы показалась маленькая голова с тремя мягкими гребешками. Существо моргнуло. Мила тоже моргнула. Они несколько мгновений молча смотрели друг на друга. У малыша были крылья, сложенные и прижатые к бокам. Четыре крошечные лапы с прозрачными коготками неловко перебирали осколки скорлупы, а длинный хвост тут же запутался в собственных чешуйках. Дракончик сердито дернул хвостом. Не получилось. Он попробовал еще раз. Снова не получилось. Мила тихонько рассмеялась. Дракончик перестал возиться и посмотрел на нее и в этот момент первая звезда над липой вспыхнула так ярко, что на миг осветила все Междулесье. На серебристой чешуе малыша проступили золотые искры.

Мила еще не знала, что перед ней появился тот, кого Междулесье не видело уже много-много лет. Она только знала одно, этот маленький дракон смотрел прямо на нее так, словно ждал ее всю свою жизнь.

— Апчхи! — чихнуло существо.

Вместо огня из его ноздрей вылетела искорка. Она зависла в воздухе, превратилась в золотистого мотылька и села Миле на рукав.

— Ты дракон, — выдохнула девочка.

Маленький дракон посмотрел на нее так внимательно, будто пытался понять, хорошие ли бывают в мире первые слова.

— Дра... кон? — повторил он.

— Да. Наверное. И очень маленький.

Дракон осторожно потрогал лапой свой нос, потом крылышко, потом хвост. Он попробовал расправить крылья, но одно крыло раскрылось, а другое зацепилось за кусочек скорлупы. Дракон покачнулся и сел прямо в мокрые листья.

Мила помогла ему освободить крыло.

— Получится не сразу, — сказала она. — Я тоже сначала падала, когда училась кататься на коньках.

Дракон посмотрел на нее, в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Не... сразу, — повторил он.

В этот миг из кустов донесся тонкий писк.

Мила поднялась и прислушалась. Под корнями липы, в траве, лежал маленький воробьиный птенец. Видимо ветер сорвал его с низкого гнезда. Он дрожал от холода и беспомощно открывал клюв.

— Бедняжка, — сказала Мила.

Она осторожно взяла птенца в ладони, но его тельце оставалось ледяным. Дом был далеко, а темнота ночи уже подступала. Мила оглянулась, но гнездо находилось высоко, на ветке, и добраться до него без лестницы было невозможно.

Маленький дракон подошел ближе. Он тоже увидел птенца. Его гребешки прижались к голове, а хвост тревожно свернулся колечком.

— Хо... холодно? — спросил он.

— Очень, — ответила Мила. — Нам надо его согреть.

Дракон сел рядом, глубоко вдохнул, как будто собирался выдохнуть настоящее драконье пламя. Мила невольно задержала дыхание, но вместо огня из его пасти полился мягкий золотистый свет. Он был похож на солнечный луч, который умеет обнимать. Свет окутал ладони Милы, птенца, мокрую траву и даже несколько опавших листьев, которые уже подсохли и зашуршали. Маленький дракон качнулся, видно было, что он устал.

— Ты это сделал, — сказала Мила.

Дракон испуганно отодвинулся.

— Плохо?

— Нет! — Мила улыбнулась. — Очень хорошо. Ты согрел маленького птенца.

Тарахта, которая все это время наблюдала сверху, всплеснула крыльями.

— Не огонь! Не пожар! Теплый свет! Ой, какая новость! Какая важная новость!

Она полетела к деревне так быстро, что едва не врезалась в ветку.

Через несколько минут к липе прибежали люди с фонарями. Пекарь Степан, мама Милы, старый дракон Ветрокрыл с Синих холмов. Он был большой, серо-зеленый, с седыми чешуйками на морде и добрыми янтарными глазами.

Ветрокрыл долго смотрел на маленького дракона, а потом низко склонил голову.

— Давным-давно, — сказал он, — в старых драконьих песнях упоминались дети звездного тепла. Они рождаются там, где кто-то умеет ждать, слушать и не боится быть добрым первым.

Мила смутилась.

— Я просто сидела рядом, — ответила она Ветрокрылу.

— Иногда это совсем не «просто», — ответил Ветрокрыл.

Маленький дракон прижался к ноге Милы, вокруг было много новых голосов, запахов и лиц, а ее присутствие он уже знал.

— Ему нужно имя, — сказала мама Милы.

— Имя должно быть теплым, как булочка из печи — заметил пекарь Степан.

— И небесным! — крикнула Тарахта. — Потому что яйцо светилось! И звезда была! И мотылек!

Старый Ветрокрыл улыбнулся.

— В древнем языке добрых хранителей есть слово «Сирин». Оно означает тихую звезду, которая помогает путникам не потеряться. А «ор» — это крыло, поднятое навстречу ветру. Пусть его зовут Сиринок.

Маленький дракон поднял голову.

— Си... ри... нор, — медленно повторил он.

И золотистый свет на кончике его хвоста вспыхнул чуть ярче.

— Тебе нравится? — спросила Мила.

Сиринок подумал. Потом осторожно кивнул.

Птенца вернули в гнездо. Ветрокрыл поднялся в воздух почти бесшумно, посадил его на мягкое моховое дно и поправил веточки вокруг. А Сиринок смотрел, как большой дракон летит над липой, и его маленькие крылья дрожали от желания тоже однажды подняться в небо. Мила проводила Сиринока к своему дому, где мама постелила ему у теплой печки старое лоскутное одеяло. Пекарь Степан принес мисочку ягодного варенья. Тарахта уселась на подоконник, чтобы следить, не случится ли чего-нибудь еще интересного. Сиринок попробовал варенье, чихнул от удивления и выпустил крошечное золотое облачко. Облачко свернулось в форме сердечка и медленно растаяло под потолком. Все засмеялись, тихо, чтобы не испугать новорожденного дракона. Перед сном Сиринок приоткрыл один глаз и спросил:

— Мила... завтра?

— Завтра мы покажем тебе реку, школу, пекарню и Синие холмы, — ответила девочка.

— А еще, если захочешь, попробуем расправить крылья.

— Не сразу? — сонно уточнил Сиринок.

— Не сразу, — согласилась Мила. — Но обязательно.

После грозы небо стало чистым и глубоким, а над Междулесьем зажглись тысячи звезд. Одна из них была особенно яркой, долго мерцала над крышей, а потом вдруг вспыхнула и погасла будто подмигнула маленькому дракону.

Сиринок впервые заснул в большом мире.

Но теперь этот мир уже не казался ему таким огромным и неизвестным.

Рядом было теплое одеяло, тихо потрескивал огонь, за окном шепталась старая липа.

И где-то высоко над Междулесьем продолжала светить его первая звезда.

Загадка

Скорлупа у него сияет,
Крылья учатся летать.
Не огнём, а добрым светом
Может друга согреть.
Кто же это?

Ответ: маленький дракон Сиринок.

Вопросы для обсуждения и общения

1. Почему Мила решила остаться рядом с необычным яйцом, хотя ей было тревожно и начиналась гроза?
2. Что мог чувствовать Сиринок, когда впервые увидел большой мир и незнакомых людей?
3. Почему Мила не стала смеяться, когда у дракончика не получилось расправить крылья?
4. Каким было необычное драконье умение Сиринока? Кому оно помогло?
5. Какой новый уголок Междулесья вы хотели бы показать Сириноку на следующий день?

История вторая. Сиринок и мост из тихих слов

Утро в Междулесье начиналось с запаха теплого хлеба, звона ведра у колодца и громкого возмущения сороки Тарахты:

— Не здесь! Не здесь! Совсем не здесь!

Она носилась по двору, заглядывала под лавку, заглядывала в траву, заглядывала даже в ведро с водой.

— Что ты опять потеряла? — спросила Мила.

— Пуговицу! Блестящую! Серебряную! Очень важную! — затараторила Тарахта. — Я ее спрятала. Это точно. Я сама видела!

— А где?

Тарахта задумалась.

— Вот это как раз и есть маленькая трудность.

Сиринок, сидевший на подоконнике, рассмеялся.

Он заметно подрос. Серебристые чешуйки стали плотнее, крылья шире, а три мягких гребешка на голове теперь топорщились, особенно, когда он чем-нибудь интересовался. Летать он пока не умел, но усердно этого хотел. Он мог спрыгнуть с низкого забора, взмахнуть крыльями, продержаться в воздухе три удара сердца и мягко плюхнуться в траву, иногда четыре, если ветер был добрый.

В это утро Сиринок долго смотрел в окно на розовеющее небо.

— Мила, — спросил он, — сегодня можно знакомиться?

Мила застегнула рюкзак. В нем лежали тетради, пенал, яблоко и маленькая баночка меда для школьной выставки осенних запасов.

— Конечно.

— А как?

Мила улыбнулась.

— Только помни, что люди знакомятся по-разному. Кто-то сразу задает десять вопросов, кто-то молчит, а кто-то сначала просто смотрит.

— Смотрит? — Сиринок повернул голову и задал следующий вопрос.

— А почему так происходит?

— Чтобы понять, безопасно ли рядом с тобой — отвечала Мила.

Сиринок задумался, взгляд его перешел на лапы, на коготки, потом на хвост, который от волнения начал едва заметно светиться.

— Но я же маленький.

— Маленький — не значит понятный, — ответила Мила. — Ты все-таки дракон.

Сиринок серьезно кивнул и решил сегодня быть самым понятным драконом на свете.

Во дворе школы уже собирались дети.

Когда Сиринок появился вместе с Милой, вокруг сразу зашептались:

— А правда, что драконы едят угольки?

— А он умеет летать?

— А почему у него хвост светится?

Кто-то протянул ему сухарик.

— Спасибо, — сказал Сиринок. — Но угольки я тоже пробовал.

Все замерли.

— И как?

Дракончик подумал.

— Хрустят.

Дети засмеялись.

Сиринок тоже засмеялся, смех даже придал ему смелости, словно стало больше воздуха. Он искренне радовался новым друзьям и еще не знал, что среди веселых голосов его внимание уже привлекло что-то совсем другое.

Взгляд Сиринока привлек мальчик, который стоял у старого клена с пожелтевшими и уже немного опавшими листьями. Он опустил глаза к земле и крепко держал рюкзак обеими руками, словно тот мог его от чего-то защитить. На вид мальчик был примерно ровесником Милы. Темные волосы падали ему на лоб, а сам он казался то ли расстроенным, то ли немного напуганным.

— Это Элиан, — тихо сказала Мила. — Он недавно приехал с мамой из другой деревни. Сиринок посмотрел на мальчика.

Потом расправил крылья для храбрости и ему очень захотелось подойти к нему.

— Здравствуй. Я Сиринок.

Мальчик поднял глаза.

— Я дракон, — добавил Сиринок. — Но маленький.

Элиан ничего не ответил.

— И не страшный.

Пауза.

— Наверное, — честно добавил Сиринок.

Мальчик едва заметно вздрогнул.

Сиринок остановился.

— Я тебя испугал?

— Нет.

Но Элиан сказал это слишком быстро.

Сиринок посмотрел на него, потом на свои коготки и подумал про себя, что они еще же маленькие, чтобы напугать?

Он поднял лапу и в ту же секунду Элиан отступил.

Сиринок медленно опустил лапу.

— Понятно.

— Что?

— Тебе пока лучше, чтобы я был подальше.

Элиан ничего не ответил и Сиринок впервые понял одну странную вещь, иногда человек может не сказать «отойди», он просто делает шаг назад.

На следующий день Сиринок отправился к реке. Ему хотелось побыть одному, подумать о вчерашнем разговоре с Элианом и о том, почему дружба начинается так непросто. Он бродил по берегу, разглядывая камешки, и вдруг заметил среди обычных серых камней один особенный. Это был красивый, прозрачный камень, как кусочек льда, а внутри застыла маленькая золотая точка. Сиринок долго рассматривал его на солнце, поворачивал в лапах, и золотая искорка внутри будто отзывалась на свет его собственного хвоста.

— Подарок, — решил он.

Вспомнив Элиана, Сиринок понял, что камень не просто находка. Он похож на то, что происходит между ними, как будто снаружи все еще непросто и прохладно, но внутри уже теплится что-то живое и светлое. Дракончик осторожно сжал камешек в лапе и полетел к школе. Там, у старого клена, на скамейке сидел Элиан. Сиринок медленно подошел и положил камешек на край скамейки рядом с мальчиком.

— Это тебе, — тихо сказал он.

Элиан посмотрел на камень. Потом на Сиринока.

— Спасибо.

Он сказал это так тихо, что дракончик едва услышал, но все таки услышал и обрадовался так сильно, что кончик его хвоста вспыхнул золотым светом. Свет скользнул по скамейке, отразился в окне и лег прямо на лицо Элиана.

Мальчик нахмурился.

— Не свети, пожалуйста.

Сиринок сразу спрятал хвост под крыло.

— Прости.

На третий день он решил показать, как почти умеет летать.

Залез на низкий забор, направил крылья вверх и сделал глубокий вдох. В ту же секунду прыгнул.

Раз.

Два.

Три.

На четвертом ударе сердца ветер передумал быть добрым. Сиринок исчез в густых, уже немного облысевших кустах.

— Я почти летел! — донеслось оттуда.

Элиан впервые улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Но, когда Сиринок выбрался из кустов с листиком на голове и ягодой на носу, улыбка исчезла.

— Тебе необязательно все время что-то показывать, — сказал Элиан.

Сиринок замер.

— Я что-то делаю не так?

Элиан пожал плечами и ушел.

В тот вечер Сиринок долго сидел под старой липой.

— Я не понимаю дружбу, — признался он.

Липа молчала, ствол от ветра покачивался то вправо, то влево, а потом один-единственный лист сорвался с ветки и тихо упал к его лапам.

Он был еще зеленым, но по краю уже пожелтел.

Сиринок осторожно коснулся листа коготком.

— Ты тоже не знаешь, как начинается дружба?

Лист дрогнул от ветра.

Сиринок улыбнулся.

— Наверное, дружба не всегда сразу знает, какой ей быть.

На следующий день, когда уроки закончились, над долиной незаметно собрались тяжелые тучи. Сначала дождь был почти неслышным, редкие капли падали на крыши домов, на сонные листья старых яблонь, на траву у школьного крыльца. Казалось, будто небо осторожно перебирает серебряные струны, но вскоре дождь разошелся, зашуршал по листве тысячами маленьких лапок, застучал по мостовой, побежал прозрачными ручейками вдоль заборов. Ручей за лугом начал быстро наполняться водой и вот он уже вышел из своих привычных берегов. Теперь это был уже не ручей, а маленькая сердитая река темная, быстрая и бурлящая.

Мила задержалась в школе помочь учительнице, а Сиринок отправился к воде. Дракончик шел медленно, стараясь не наступать на улиток, выползших после дождя на дорожку. Капли блестели на его серебристых крыльях, как крошечные стеклянные бусины. Иногда он стряхивал их кончиком хвоста, и тогда вокруг него на миг вспыхивала тонкая золотистая искра, так драконья магия отзывалась на влажный воздух. Сиринок незаметно добрал до старого моста и увидел промокшего Элиана.

Мальчик стоял перед старым деревянным мостиком, который соединял два берега, он не двигался, словно раздумывая, что ему дальше делать.

— Тебе домой? — спросил Сиринок.

Мальчик вздрогнул, но не ушел.

— Да.

— Тогда пойдем.

Элиан посмотрел на мост.

— Я не могу.

Сиринок хотел сказать: «Конечно можешь», но вспомнил, как Мила говорила: иногда человеку нужно не слово «можешь», а время.

Он сел на траву.

— Хорошо.

Элиан удивленно посмотрел на него.

— Что хорошо?

— Ничего.

Мальчик молчал.

— Но... почему ты не говоришь, что я должен идти? — спросил он чуть позже.

— Потому что мост нельзя перейти за другого, — сказал Сиринок. — И страх тоже нельзя прогнать приказом, но я могу посидеть здесь с тобой. Столько, сколько тебе будет нужно.

Дождь продолжал шептать в ветвях, вода шумела все громче, словно рассказывала реке древнюю и беспокойную историю, где-то далеко прогремел гром, и Элиан вздрогнул, но на этот раз не отвернулся от моста.

Прошло немного времени, может быть, очень много в такие минуты время всегда ведет себя странно, то летит, как испуганная птица, то замирает в капле на травинке.

Наконец Элиан тихо сказал:

— Я раньше жил далеко отсюда.

Сиринок повернул к нему голову, но не перебил.

— Там была широкая река, намного больше этой, через нее протянулся высокий мост. Когда я смотрел вниз, вода казалась совсем маленькой... А однажды мы шли по мосту с папой, и вдруг начался дождь.

Голос мальчика стал тише.

— Сначала просто капало. Потом ветер стал сильным, все вокруг загремело, зашкрипело, мост задрожал под ногами, вода внизу потемнела, а гром был такой близкий, будто огромный великан бил молотом прямо в небо. Я испугался и не мог сделать ни шага.

Сиринок придвинулся немного ближе не касаясь Элиана.

— А папа? — осторожно спросил он.

Элиан сжал пальцы. Папа взял меня за руку, сказал, что бояться грозы не стыдно.

Сиринок долго смотрел на мост. Ему казалось, что теперь он понимает, что Элиан скрывал страх, он видел перед собой не несколько мокрых деревянных досок, а снова слышал гром из прошлого, чувствовал дрожь большого моста и вспоминал сильную папину руку.

Дракончик осторожно положил кончик хвоста на край мостика. От него по дереву пробежало мягкое золотое свечение, как свет маленького фонаря в окне.

— Я еще не умею быть другом, — сказал Сиринок. — Но я могу попробовать, друг может идти рядом.

Элиан впервые за все это время посмотрел ему прямо в глаза, в его взгляде еще чувствовалась тревога, но рядом с ней появилась маленькая, почти незаметная искра. Иногда именно так начинается дружба, не с громкого обещания, а с того, что рядом с тобой кто-то остается.

Сиринок посмотрел на деревянные доски.

Потом на свои крылья.

— Я тоже боюсь.

— Чего?

— Высоты.

Элиан удивленно посмотрел на него.

— Но ты же дракон.

— Вот именно.

Сиринок вздохнул.

— От меня все ждут, что я однажды полечу, я смотрю вниз и думаю: «А вдруг земля не поймает?»

Элиан впервые посмотрел на него по-настоящему внимательно.

— И что ты делаешь?

— Не лечу.

— Никогда?

— Иногда сижу на заборе.

Элиан улыбнулся.

— А потом?

— Потом, когда перестаю бояться, пробую снова.

Сиринок помолчал.

— Но только когда готов.

Элиан посмотрел на мост.

— А если я сегодня не готов?

— Тогда мы сегодня не пойдем.

Мальчик долго молчал.

Потом спросил:

— Ты правда останешься?

— Конечно.

И они остались ждать, когда стихия утихнет.

Сумерки медленно опускались на Междулесье. Дождь почти закончился, капли стали совсем незаметные, еле дотрагивались земли. На мокрых досках моста блестели капли. Вода в ручье все еще шумела и торопилась между камней, но теперь ее голос был глубоким, усталым и немного сонным, ручей тоже пережил грозу и теперь постепенно успокаивался.

И вдруг Сиринок заметил что-то странное. На старом деревянном периле проступили тонкие серебристые линии, они складывались в слова, но прочитать их было трудно, буквы появлялись только там, где между дождевыми каплями становилось совсем тихо. Капля падала с ветки на перила, и одна буква исчезала. Ветер осторожно шевелил листья, и другая пряталась под тонкой струйкой воды, стоило всему вокруг замереть хотя бы на одно короткое мгновение, как серебряные линии вновь проступали на старом дереве.

Сиринок приблизился.

— Смотри, — тихо сказал он.

Элиан подошел ближе.

На дереве было написано:

«Мост слышит не громкие слова. Мост слышит тихие».

Элиан долго смотрел на надпись.

— Что это значит? — спросил он наконец.

Сиринок чуть наклонил голову. Капли на его маленьких рожах дрогнули и скатились в траву.

— Может быть, мост очень старый, — предположил он.

— Он видел столько людей, что перестал слушать тех, кто кричит. А тихие слова слышит лучше, потому что в них обычно говорят правду.

Элиан осторожно положил ладонь на влажные перила, но прежде, чем свет исчез совсем, на мокром дереве вспыхнула еще одна строчка. Она была совсем короткой, словно мост торопился сказать самое важное:

«Тот, кто идет рядом, делает дорогу короче».

Элиан прочитал слова шепотом.

— Значит, мост все-таки волшебный?

Сиринок задумчиво посмотрел на серебряные буквы. Дождевые капли еще дрожали на его ресницах, а за лугом медленно загорались первые вечерние огоньки.

— Наверное, — ответил он.

Элиан обернулся. Ручей по-прежнему шумел между берегами, перекачивал камешки, нес веточки и желтые листья, сорванные ветром. Мостик все так же слегка покачивался и поскрипывал над водой. Элиану казалось, что в его скрипе слышится не угроза, а тихая песенка.

— Я думал, что, если страшно, значит, я слабый, — сказал мальчик.

Сиринок сел рядом с ним на траву. От его крыльев исходило легкое тепло, пахнущее мокрой хвоей и дымом от далекого камина.

— А я думал, что драконы не должны бояться вообще, — признался он. — Ведь в сказках драконы обычно летают над грозами, дышат огнем и никого не просят о помощи.

Элиан удивленно посмотрел на него.

— Но ты же маленький дракон.

— Маленький, — согласился Сиринок. — И, наверное, еще не очень опытный.

Он расправил одно крыло, посмотрел, как в нем запуталась мокрая травинка, и осторожно снял ее коготком.

— Когда ручей громко ударил о камни, мне тоже захотелось поскорее убежать, — продолжил он. — Только я увидел, что ты стоишь рядом и если я убегу, тебе станет еще страшнее.

Элиан опустил голову.

После дождя поднимался вечерний туман, ложился между деревьями тонкими белыми полосами, будто кто-то невидимый расстилал по земле мягкие облака. В кустах зашуршал еж, а на самой высокой ветке ивы вспыхнул маленький голубой огонек. Потом второй. Третий. Это были светлячки, вылетевшие после дождя, они закружились над ручьем, освещая дорогу к деревне крошечными фонариками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.